

Н. В. Константинова

Сюжет о путешествии в Сибирь в документальных травелогах XIX века (на материале путевых записок Н. В. Шелгунова «Сибирь. По большой дороге»)

В статье рассматривается специфика сюжета о путешествии в Сибирь в контексте изучения эволюции документального травелога XIX века и «сибирского текста» русской литературы. Новизной исследования является выявление способов построения сюжета в документальном травелоге в аспекте проблемы автора. Анализ сочетания разных авторских стратегий позволяет определить специфику сюжета о путешествии в Сибирь на фоне общей традиции («общих мест»). Объект исследования – путевые записки Н. В. Шелгунова «Сибирь. По большой дороге», опубликованные в журнале «Русское слово» в 1863 г. Благодаря привлечению не только литературных источников, но и биографических сведений об авторе, записок его жены Л. П. Шелгуновой и общественно-политического контекста были выявлены авторские стратегии, формирующие имплицитный сюжет травелога о Сибири. Обнаружено, что, на первый взгляд, традиционная история о путешествии в Сибирь туриста и наблюдателя, позиционированное субъектом повествования в начале травелога, включает в себя сюжет, подобный сюжету романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: повествование о Сибири как «другой» России, нуждающейся в преобразованиях, «новых людях», способных реализовать новые задачи развития общества, воззвания к читателю с целью актуализировать в массовом сознании идею о необходимости перемен и сопричастности каждого к общей судьбе России. Отмечается, что в документальном травелоге Н. В. Шелгунова как на уровне эксплицитного сюжета, так и на уровне имплицитно выраженной истории о путешествии в Сибирь воплощается идея о невозможности личного возрождения, глобального обновления общественной жизни.

Ключевые слова: сюжет о путешествии в Сибирь, документальный травелог, «сибирский текст», авторская стратегия, субъект повествования, Н. В. Шелгунов.

Для цитирования: Константинова Н. В. Сюжет о путешествии в Сибирь в документальных травелогах XIX века (на материале путевых записок Н. В. Шелгунова «Сибирь. По большой дороге») // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 60–78. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_60. EDN: KGYMDZ

Сибирская тема неоднократно становилась предметом исследований в разных аспектах. Наиболее продуктивными предметами изучения в современной науке являются «сибирский текст» и его локальные составляющие в произведениях русской литературы, литературные образы «сибирского ландшафта», эволюция концепта Сибири в историко-

литературном процессе XIX–XX веков. Этим и другим более частным вопросам посвящены коллективные труды начала XXI века [1–3; 18–22]. Так, в наиболее концептуальной коллективной монографии «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» [17] К. В. Анисимов [4, с. 56] выделяет два взаимодополняющих подхода к пониманию проблемы изучения сложной структуры «сибирского текста» в составе русской литературы. В качестве первого он выделяет точку зрения В. И. Тюпы, который, следуя идее Ю. М. Лотмана [9], характеризует «комплекс сибирских мифологем в классических произведениях литературы XIX в. как трансформацию архетипов инициационной обрядности» [24, с. 28]. Другой взгляд выявляется в трудах Н. В. Серебренникова и свидетельствует о «понимании сибирского текста как аутентичной локальной словесности, катализатором к формированию которой служит территориальная идентичность (в случае с Сибирью – областничество XIX–XX вв. и его рефлексy в советской словесности и культуре диаспоры)» [17, с. 3].

Безусловно, именно географическое положение Сибири часто определяет и ракурс исследования, и семантику концепта. В связи с этим в исследованиях актуализируются и оппозиции столица/провинция [6], свое/чужое [13], и в новейших очерках российского колониализма вопросы о месте Сибири в составе империи [26], и создаются примеры «геограмм» локальных мифов в структуре образа «сибирского ландшафта» [6; 15], и русский концепт Сибири определяется на основе положения о неустойчивости ее границ [18]. Например, обращение к теме «ментальных карт» и «воображаемой географии» открывает широкие перспективы в деле изучения колонизации восточных окраин империи, выявляет две противоречивые характеристики Сибири в составе России: отдельность и интегрированность [26]. Кроме того, в качестве ключевых задач изучения «сибирского текста» выступают описание и систематизация имплицитированных в художественные и публицистические тексты сибирских писателей XIX–XXI вв. образных, мотивных и дискурсивных конструктов, связанных с идентичностью локальной культуры и ее создателей [18–19]. При этом следует отметить, что одним из наиболее популярных источников для исследований «сибирского тек-

ста» становится текст о путешествии, описывающий не только специфику ландшафта, но и личные переживания субъекта повествования. Чаще, конечно, объектами изучения в этом случае становятся литературные произведения, которые позволяют определить индивидуально-авторские стратегии восприятия региона, его локальных составляющих, выделить семантику образов «сибирского ландшафта» и наиболее популярные сюжеты, формирующие структуру и типологию «сибирского текста» [18–19]. Изучению документальных травелогов в этих аспектах уделяется значительно меньшее внимание, что и определяет новизну настоящего исследования. В связи с этим стоит указать наиболее продуктивные подходы к описанию специфики документальных травелогов о Сибири. К. В. Анисимов, исследуя восточный травелог (на примере текстов П. И. Небольсина) как дискурсивный опыт территориальной интеграции, отмечает, во-первых, пограничное положение жанра, стоящего на границе художественной беллетристики и наукообразной non-fiction, а, во-вторых, выделяет две фактически противоположные задачи: «И если наукообразие этих текстов соприкасалось скорее с экзотизацией <...>, то литературно-беллетристический инструментальный призван был сыграть прямо противоположную роль: дать читателю возможность установить сходство со знакомой ему Россией, узнать знакомое в далеком и незнакомом» [4, с. 38]. На «литературность» документальных травелогов указывает и Н. В. Иванова, отмечая, что, благодаря этому жанру, который создавал «нациестроительный фундамент», «русская культура, напряженно всматриваясь в давно обретенный, отчасти познанный, но так и не ставший своим (курсив автора. – Н. К.) мир, начала опробовать на нем разнообразные практики интеграции, словно “переписывая” чужое в свое (курсив автора. – Н. К.)» [7, с. 188]. Продуктивным видится и подход к изучению документальных травелогов с позиций компаративистского источниковедения, представленный в работах Т. В. Медведевой, посвященных анализу текстов Н. Д. Свербева, созданных в процессе его путешествий по Сибири и непосредственно после поездок. Сопоставительный анализ официальных публикаций и частных писем родным и знакомым одного автора позволяет выяснить, как цели повествования влияют на отбор

и описание материала о путешествии, способы ориентации на читателя, маркеры изменения образа рассказчика [11, с. 7].

Материалы и методы

Таким образом, можно констатировать, что Сибирь является актуальным предметом исследования и в процессе анализа документальных травелогов XIX века. Путевые очерки и заметки о Сибири, мемуары и отчеты о путешествиях в восточные окраины расширяли представления жителей «внутренней России» о чужой и малоизвестной территории. Безусловно, важную роль в популяризации сюжета о путешествии в Сибирь сыграли так называемые «прецедентные тексты» известных писателей, появившиеся в разные периоды XIX века. Например, Е. Е. Анисимова отмечает: «Поведенческие и дневниковые стратегии Жуковского, реализованные им во время путешествия 1837 года, обнаружили закономерность многих будущих “сибирских травелогов” XIX века <...>, в частности, выделяются “этнографические” сибирские травелоги И. А. Гончарова и А. П. Чехова, демонстрирующие отход от чистой литературности» [5, с. 10]. Сравнение документальных текстов и литературных позволяет выделить некоторые «общие места» сибирских травелогов: популярные сюжеты, мотивы, образы, на которые мы будем ориентироваться в настоящем исследовании.

Кроме того, в исследованиях (в большей степени историков) отмечается, что важную роль в процессе коллективного представления о Сибири играли «толстые» журналы, являвшиеся одним из основных источников формирования, структурирования и трансляции общественного мнения во второй половине XIX века, так как в них публиковались тексты о путешествии, ими осуществлялась финансовая поддержка известных писателей, отправлявшихся в Сибирь, они информировали читателя о результатах таких «литературных экспедиций». Методологической основой настоящего исследования является концептуальная и масштабная монография Н. Н. Родигиной, посвященная конкретно-исторической характеристике разноликого образа Сибири, представленного в толстых журналах периода 1850-х-1904 гг., которые были основой формирования и отражения общественного мнения пореформенной России [16, с. 8].

Кроме того, на наш взгляд, перспективным методом изучения документального травелога о Сибири является анализ материалов, представленных в контексте сибирской мемуаристики. Так, Н. П. Матханова в составе сибирской мемуаристики XIX века выделяет путевые записки, которые представляют собой сочетание дневника и путевых впечатлений автора, определяет наиболее устойчивые элементы сюжета текстов о путешествии в Сибирь: постоянные сетования на трудности, а порой и опасности пути, на тяжелые климатические условия, плохое состояние дорог, неразвитость инфраструктуры классифицирует травелоги на несколько групп: записки «в чистом виде», традиционные сочинения, представляющие собственные впечатления автора, записки, примыкающие к научным и деловым отчетам, записки, сочетающие беллетристические и публицистические элементы, путеводители, описывает и процесс эволюции жанра на протяжении XIX века [10, с. 77].

Таким образом, в сибирских травелогах постепенно формируются «общие места», выражающие повторяющиеся стереотипные представления о регионе в контексте литературной традиции. В настоящем исследовании мы ориентируемся на подобную логику изучения, учитываем, что в период 1850–1870-х годов с Сибирью соотносился концепт «страна» и повторяющиеся формулы «отдаленная страна», «далекие страны Сибири», «страна, сравнительно богатая от природы», «страна изгнания и забвения», «холодная, мрачная пустыня». Наблюдения В. И. Тюпы [24–25], сделанные на материале русской классической литературы, о том, что хронотопический образ Сибири интерпретировался как образ страны холода (зимы), ночи (луны), т. е. смерти в мифологическом ее понимании вполне, на наш взгляд, могут быть применимы и к документальным травелогам. Раскрывая содержательные характеристики «сибирского текста русской культуры», В. И. Тюпа акцентировал внимание на том, что «уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [24, с. 35].

Рассказы «от первого лица» о необычной природе и ландшафтах Сибири, как правило, сравниваемой с известными читателям европейской части страны окрестностями «средней полосы»; повествование о тяжелых путевых условиях, компенсирующихся, тем не менее, сильными впечатлениями от «новых мест»; описание нетривиальных для повседневности поступков путешественников или мемуаристов, с одной стороны, отражали, а с другой – создавали в общественном мнении романтизированный образ региона, в котором есть шанс проявить свои лучшие человеческие качества и принести славу отечеству, где есть место для открытий и отваги. Так, например, в статье Н. Е. Меднис «Кавказ и Сибирь как два топоса русской литературы и культуры XIX века» выявляются причины переноса характеристики Кавказа на характеристику Сибири по законам романтической поэтики [12]. Отмечается, что в последней трети XIX века актуализируется романтическое изображение Сибири, которая воспринимается через оппозицию свое/чужое, с помощью образов, связанных с нетронутой, дикой, величественной, прекрасной природой.

Новизной настоящего исследования является обращение к материалам «толстых журналов», которые имели важное значение в культурной и литературной жизни России второй половины XIX века. Так, в первые десятилетия издания «Русского вестника», «Вестника Европы» знакомство читателей с малоизвестным, окутанным мифологемами, а потому особенно притягательным регионом происходило в том числе и посредством публикации мемуаров и путевых очерков. Среди авторов путевых очерков о Сибири, публиковавшихся в «толстых» журналах 1850–1870-х гг., встречаются, как правило, не профессиональные литераторы, а исследователи и путешественники, офицеры и жены офицеров и чиновников, дочери золотопромышленников, что свидетельствует о популярности жанра и об актуальности темы Сибири.

В статье подробнее будет представлен материал о путешествии в Сибирь, опубликованный в трех номерах журнала «Русское слово» за 1863 год. Как отмечает Т. И. Печерская, «у многих авторов “Русского слова” к Сибири было, безусловно, личное отношение. Сибирь для них или их товарищей была местом ссылки, прошлой или возможной в недалеком

будущем» [14, с. 496]. К таким авторам относится и Николай Васильевич Шелгунов, опубликовавший в нескольких номерах свои записки о путешествии в Сибирь – «Сибирь. По большой дороге» (1863, январь, февраль, март) [27–29]. Предметом исследования в данном случае является специфика сюжета о путешествии в Сибирь, способы выражения авторского присутствия в тексте, ориентация на читателя. В качестве материалов для сопоставительного анализа привлекаются также записки жены Н. В. Шелгунова Л. П. Шелгуновой, опубликованные отдельным изданием уже в конце XIX века [30].

Результаты

Публикации Н. В. Шелгунова, с одной стороны, воспроизводят наиболее распространенные «общие места» сибирских травелогов этого периода. Так, при описании первой части маршрута (Тверь – Пермь – Екатеринбург – Казань) очевидно воплощается идея о том, что провинция значительно уступает столице, в ней наблюдается путешественником застой, экономическая неразвитость, отсутствие общественных интересов, нищета населения. Кроме того, традиционно выражается оппозиция Сибирь//Россия, что обозначается как на уровне номинаций, так и характеристик. Сибирь получает у Шелгунова привычное определение – «самая холодная из всех частей земного шара» страна, которая всем внушает ужас. К негативным характеристикам относится и отсутствие в Сибири торговли из-за удаленности и плохих дорог, низкий уровень культуры местных жителей. Такой фокус характеристики пространства в травелогe воспроизводит традиционный сюжет об освоении малоизвестного края путешественником, описывающим последовательно ключевые точки пути с целью познакомить читателя с трудностями перемещения по сложному ландшафту, дополнить массовое представление о «другой» России.

С другой стороны, травелог Н. В. Шелгунова содержит, помимо подробного описания маршрута путешествия по Сибири, авторских субъективных впечатлений, имплицитный сюжет, который раскрывает и истинную цель поездки, и особую индивидуальную точку зрения на чужое пространство. В первой части травелога уже в названии субъект повествова-

ния объясняет, почему «Нам полезнее теперь путешествовать по России, чем за границей»:

В настоящее время я не только предпочитаю путешествие по России – как оно ни скучно и грустно – путешествию за границей, но нахожу его в высшей степени поучительным <...> Но наблюдателю гораздо легче изучить ту жизнь, которая ещё не вошла в замкнутые рамки и каждым новым поворотом дает нам чувствовать свою нелепость или хорошую сторону <...> С чего бы мы ни начали, все для нас ново, и всякий хорошо выслеженный факт дает новую идею и приводит к новому знанию. В этом я вполне убедился, проехав в качестве туриста от центра России до глубокого северо-востока Сибири [27, с. 1].

Обращает на себя внимание явная противопоставленность двух типов путешествия – по России и за границей, что выражается в семантических оппозициях скучно, грустно/интересно, новое/старое. Привычное отношение к путешествию по России как к негативному, тривиальному, напротив, опровергается и провозглашается его ценность, сформулированная субъектом повествования как «поучение», «новизна». Именно на этой характеристике особенно педалируется: «новым поворотом дает нам чувствовать», «все для нас ново», «дает новую идею и приводит к новому знанию». Установка на новое знание становится главным аргументом автора-путешественника в воображаемом споре с читателем, для которого путешествие по России «скучно и грустно». Выделенный же в этом фрагменте статус повествователя записок – наблюдатель, турист – воспринимается странно и вызывает вопрос у исследователя, так как в Сибирь в то время туристами не ездили, а только по казенной надобности или в научные экспедиции. И, действительно, в монографии Ф. Кузнецова «Круг Д. И. Писарева» упоминается иная цель поездки Н. В. Шелгунова как воспитанника и сподвижника Н. Г. Чернышевского [8; с. 207–208]. В частности, исследователем отмечается, что Шелгуновым были написаны прокламации «К молодому поколению» и «К солдатам», призывающие народ к революции. В 1862 году Н. В. Шелгунов уходит со службы и вместе с женой Л. П. Шелгуновой отправляется в Сибирь, чтобы организовать побег своего близкого друга М. Л. Михайлова, который взял вину составления прокла-

мации «К молодому поколению» на себя и был приговорен к каторге. В сентябре 1862 года Шелгуновы были в Сибири арестованы и в марте 1863 года, в связи с известным доносом Костомарова на Чернышевского и Шелгунова, привезены в Петербург, где Шелгунов с 15 апреля до 24 ноября 1863 года находился в Алексеевском равелине, а потом был выслан в Вологодскую губернию и провел в ссылке 13 лет. Все статьи Шелгунова в «Русском слове» 1863–1866 гг. написаны им в заключении, в том числе и травелог «Сибирь. По большой дороге» 1863 года. Кроме того, важно указать, что отношения между Шелгуновым, Михайловым и Шелгуновой представляли собой тройственный союз по Чернышевскому, союз новых людей без предрассудков. Михайлов был фактически гражданским мужем Шелгуновой, в связи с чем поездка в Сибирь имела ещё и сугубо личные цели (любовный сюжет о «новых людях»), которым тоже не удалось осуществиться.

Учитывая указанные выше обстоятельства, следует прокомментировать, как сюжет о путешествии в Сибирь по-иному описывает Людмила Петровна Шелгунова в своих воспоминаниях, опубликованных уже в конце XIX века, в 1899 году. В большей степени в ее записках описывается не поездка, не обстоятельства пути, а встречи с людьми, их характеристики, ситуация взаимодействия с Михайловым и результат этой встречи. Важно отметить, что в тексте жены неоднократно подчеркивается особое влияние Чернышевского на мировоззрение и действия Шелгунова, что еще раз подтверждает наличие иной причины путешествия в Сибирь и иного сюжета травелога. Так, в одном фрагменте записок Л. П. Шелгуновой можно обнаружить прямое доказательство истинных, но тщательно скрываемых автором в своем травелоге причин поездки:

Чернышевский поддерживал наше намерение ехать в Сибирь. Он очень любил Николая Васильевича и понимал состояние его духа. Чтобы достать средства для отправки Михайлова со всеми удобствами и для обеспечения его жизни в каторге, мы пустили в лотерею часть его очень большой библиотеки, а другую часть отправили к нему в Сибирь. Весною мы уехали в Сибирь. Ехали мы два месяца, и Шелгунов описал эту поездку в статьях, помещенных в «Русском слове» под заглавием: "Сибирь по большой дороге" [30, с. 125].

Интересно при этом обратить внимание на тот факт, что в записках Л. П. Шелгуновой, в свою очередь, тщательно скрывается ее связь с Михайловым. Михайлов описан ею крайне объективно, как обычный знакомый, друг Шелгунова, «молодой офицер»: «Когда мы подошли к дому, на крыльце стоял Михайлов. Он жил, как частный человек, у брата. В доме, очень небольшом, все мы и поместились и, конечно, стеснили хозяйина, но на это он не жаловался <...> мы внесли большое разнообразие в жизнь молодого офицера, жившего на уединенном прииске» [30, с. 130]. Однако, безусловно, по косвенным характеристикам в описании ситуаций можно выделить и этот имплицитный любовный сюжет. После смерти Михайлова Шелгунова получает его бумаги от брата и в своих записках очевидно романтизирует образ возлюбленного: «За несколько дней до смерти к нему приехал его брат Петр, и больной сказал ему, чтобы он взял с полки связанные и приготовленные бумаги и передал их мне в руки. Брат дал ему слово, что бумаги будут переданы мне, и слово это сдержал, хотя из комнаты покойника ему пришлось выйти с револьвером в руках. И вот этот добрый, этот хороший человек, способный на высокие подвиги самопожертвования, лежит теперь в далекой Сибири под простым крестом» [30, с. 138].

Таким образом, травелог Н. В. Шелгунова о путешествии в Сибирь становится выражением определенной точки зрения – «новых людей», воспринимающих новое пространство в контексте личных и общественно-политических событий, а также в сопоставлении с романом Чернышевского «Что делать?», что и определяет специфику имплицитного сюжета. Показательно, что Чернышевский писал свой роман фактически в то же время, что и Шелгунов свой травелог о Сибири, находясь также в одиночной камере Петропавловской крепости с 14 декабря 1862 по 4 апреля 1863 года. Впоследствии его роман частями был опубликован в журнале «Современник» в 1863 году (№ 3–5). Совпадений оказывается очень много, что свидетельствует о популярности определенного типа сюжета, повествования о «новых людях», о значимости преобразований в России.

Уже в начале записок Н. В. Шелгунова акцентируется внимание на необходимости получения нового знания, нового

опыта: «С чего бы мы ни начали, все для нас ново, и всякий хорошо выслеженный факт дает новую идею и приводит к новому знанию» [27, с. 1]. В процессе освоения нового пространства России повествователь-путешественник, притворяющийся простым наблюдателем и туристом, тем не менее задает важные экономические и политические вопросы, делает концептуальные выводы о необходимости перемен, обновления: «Чем же живут эти люди?»; «При всем своем громадном пространстве Россия бедна обработанною землей, и крестьяне многих губерний в ней нуждаются. Не для них ли подготавливаются эти пустыри, происходящие от беспорядочных рубок и лесных пожаров? В таком случае не лучше ли отдать половину наших глухих и болотистых лесов нуждающимся крестьянам теперь же?» [28, с. 28] Особое внимание в записках уделяется размышлениям о новом поколении, которое должно изменить старый уклад, о необходимости формирования новых условий для жизни: «Что будет с новым поколением? Но и с новым выйдет то же самое, если оно останется на той же степени образования, как его почтенные предки. Нужно, чтобы целое поколение привыкло жить иначе и воспиталось в новых условиях и гражданского и экономического положения» [28, с. 31]. Отдельная глава (восьмая) посвящается фактически обсуждению реальных проектов, позволяющих ответить на главный вопрос: кто поможет? Такой вариант в полной мере соотносится с вопросом Чернышевского «Что делать?» и демонстрирует очевидную связь с ключевыми идеями романа и сюжетными ходами. Так, например, размышления субъекта повествования о возможных выходах из сложной экономической ситуации для местных жителей коррелирует с утопическими проектами (о мастерских Веры Павловны) из романа Чернышевского: «Если нашим сельским и городским промышленникам не помочь, они сами не встанут на ноги, потому что у них нет для этого ни знаний, ни денег; будут они биться, как бьются нынче, пока не подвернется предприимчивый и денежный человек и, устроив фабрики и мастерские, не заберет их всех к себе в рабочие» [28, с. 33]. Размышления повествователя о Сибири как новом мире превращаются последовательно в сюжете записок в выявле-

ние общепринятых общественных заблуждений о специфике этого пространства. Территориальная изолированность/удаленность Сибири метафорически выражает удаленность современного человека, живущего замкнуто, от тех «новых людей», готовых ему помочь, изменить кардинально способ существования: «Здесь как будто видишь совсем новую страну, только что явившуюся после геологического переворота и с только что созданным человеком. Человек этот начинает строиться и улаживать свой гражданский и общественный быт. Он ещё не знает, что там, за тысячу верст от него, живут уже люди; что люди эти могут помочь ему; что у них есть знания, культура» [29, с. 24]. Обращает на себя внимание и специфика номинаций «человек»/«люди», что свидетельствует о понимании массовости нового движения в сознании автора-повествователя, необходимости включения каждого в этот процесс. Сибирь фактически в травелоге Н. В. Шелгунова становится аналогом всей России, о судьбе которой ближе к финалу все больше рассуждает повествователь, пытаясь ответить на важные вопросы, используя местоимения МЫ, НАШИ, ощущая личную сопричастность глобальным событиям:

Разумеется, если с числом фактов, опубликованных Европой, сравнивать число опубликованных фактов из русской жизни, Россия окажется земным раем, где неизвестны ни пороки, ни преступления, ни печали, ни страдания. Но кого мы обманываем? Смотри на совершающиеся факты без самообольщения и самоунижения, разумеется, придешь к тому заключению, которого и миновать невозможно <...> Перестанешь видеть Аркадию там, где еще нужно много труда и много образования, чтобы поднять хоть несколько и личную, и гражданскую нравственность [29, с. 56].

Постепенно в имплицитном сюжете разрушается утопическая идея о быстром изменении современного состояния жизни в «другой» России, скорее демонстрируется новый фокус видения проблем, которые необходимо срочно решать. Стиль повествования травелога Н. В. Шелгунова, заданная уже с названия диалоговая форма взаимодействия с читателем все более и более превращается в своеобразное воззвание (прокламацию) к действию в соответствии с новыми установками, к преобразованию сознания человека нового поколения.

Финальное же разочарование путешественника, обманутого в своих ожиданиях, демонстрирует, с одной стороны, крушение надежд на изменение личной судьбы (что воспроизводит итог «биографического сюжета» о тройственном союзе Шелгунова, его жены и Михайлова), с другой стороны, о невозможности глобальных изменений/обновлений в общественной жизни России. Важно отметить, что в этом фрагменте выделяется Я субъекта повествования как знак личной сопричастности автора описываемым событиям, как способ самоидентификации личности внутри сюжета о путешествии: «Так думал и я, когда, наслышавшись в Петербурге о громадных сибирских селах, о сибирской дешевизне, о патриархальности и чистоте сибирских нравов, подъезжал к границе Сибири с особенным радостным чувством, с надеждой увидеть что-то небывало-новое, иные нравы, иные обычаи, а главное молодую, свежую силу и жизнь» [29, с. 61]. Символическим в этом отношении становится и название последней главы – «Сибирь как золотое дно», выражающее нереализованный потенциал новых сил, способный изменить положение России.

Обсуждение и выводы

Таким образом, в документальном травелогe о Сибири Н. В. Шелгунова сочетаются разные авторские стратегии, которые формируют специфику сюжета о путешествии. Традиционная точка зрения туриста, наблюдателя, изучающего новое пространство и описывающего его характеристики (географические, экономические, социальные), провозглашается эксплицитно, что позволяет создать сюжет, в котором последовательно, от пункта к пункту, комментируются субъектом повествования трудности пути, особенности жизни местных жителей, приводятся статистические данные, выявляются наиболее популярные («общие места») элементы «сибирского текста», хорошо знакомые читателю по литературным произведениям XIX века. В этом отношении травелог Н. В. Шелгунова о Сибири отличается полнотой описания, масштабностью географических объектов («от центра России до глубокого северо-востока Сибири»), разнообразием сведений о каждом локальном элементе региона, что было

свойственно для документальных травелогов этого периода. По классификации Н. П. Матхановой [10; с. 77–78], записки автора, скорее, соответствуют второй группе: запискам, примыкающим к научным и деловым отчетам, сочетающим личные впечатления путешественника с результатами научных исследований. Как отмечает исследователь сибирской мемуаристики, именно в таких травелогах основное внимание уделяется описанию трудности пути и открыто выражается личностное начало. Однако, в результате обращения к биографическим сведениям об авторе, запискам его жены, изучению литературного и общественно-политического контекста создания текста были выявлены другие авторские стратегии, формирующие имплицитный сюжет травелога о Сибири. Ключевыми составляющими этого сюжета являются следующие элементы: повествование о Сибири как «другой» России, в которой также необходимы преобразования, обновления, рассуждения о возможных способах нововведений, «новых людях», способных практически реализовать новые задачи развития общества, воззвания к читателю с целью актуализировать в массовом сознании идею о необходимости перемен, мысль о сопричастности каждого к общей судьбе России. Развитие имплицитного сюжета (особенно финал травелога) демонстрирует в определенной степени мысль автора о невозможности реализации этих идей внутри «сибирского ландшафта», что соотносится с указанными выводами В. И. Тюпы о мифологеме «сибирского текста»: Сибирь характеризуется как край лиминальной полусмерти, «открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [24, с. 35]. В травелоге Н. В. Шелгунова как на уровне эксплицитного сюжета, так и на уровне имплицитно выраженной истории о путешествии в Сибирь воплощается идея о невозможности личного возрождения (трагический финал «любовного сюжета», арест и смерть Михайлова, арест Н. В. Шелгунова), глобального обновления общественной жизни (фиксируется отсутствие связи населения Сибири с идеями «новых людей»).

Список литературы

1. Алтайский текст в русской культуре. Материалы научного семинара / под ред. Т. Г. Черняевой. – Барнаул, 2002. – Вып. 1. – 131 с.
2. Алтайский текст в русской культуре. Материалы второго научного семинара / отв. ред. Т. Г. Черняева. – Барнаул, 2004. – Вып. 2. – 214 с.
3. Алтайский текст в русской культуре. Материалы третьей региональной научно-практической конференции / ред. Т. Г. Черняева, Н. В. Халина. – Барнаул, 2006. – Вып. 3. – 236 с.
4. Анисимов К. В. Русская литература и Сибирь в XIX веке: восточный травелог как дискурсивный опыт территориальной интеграции (записки путешествий П. И. Небольсина) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия Универсалии культуры. Вып. VI: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: Флинта: Наука, 2015. – С. 37–56.
5. Анисимова Е. Е. «Сибирские главы» путешествия В. А. Жуковского с цесаревичем Александром Николаевичем по России в 1837 г.: документ, биография, литература // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия Универсалии культуры. Вып. VI: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: Флинта: Наука, 2015. – С. 9–37.
6. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003. – 331 с.
7. Иванова Н. В. «Литературные путешествия» в Сибирь: поэтика «Писем с берегов Лены» Н. С. Щукина и «Писем из Сибири» П. А. Словова // Вестник Московского гос. областного ун-та. – Сер. Русская филология. – 2010. – № 1. – С. 186–192.
8. Кузнецов Ф. Круг Д. И. Писарева. – М.: Художественная литература, 1990. – 927 с.
9. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов, Гоголь. – М., 1988. – С. 338–340.
10. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. – Новосибирск: СО РАН, 2010. – 551 с.
11. Медведева Т. В. Путешествия Н. Д. Свербеева по Сибири (1852–1854) в эпистолярном и литературном отражении // Русский травелог XVIII–XX веков: Между литературой и документом: коллективная монография. – Новосибирск: НГПУ, 2019. – С. 7–52.
12. Меднис Н. Е. Кавказ и Сибирь как два топоса русской литературы и культуры XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / Под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. – Новосибирск: НГПУ, 2016. – С. 20–36.
13. Митин И. И. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности // *Communitas*. – 2005. – № 2. – С. 13.
14. Печерская Т. И. Травелог в «Русском слове»: к вопросу о редакционной тактике журнала // Русский травелог XVIII–XX веков. Коллективная монография. – Новосибирск: НГПУ, 2015. – С. 486–503.
15. Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства. – Казань, 2004. – С. 223–242.
16. Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – 343 с.
17. Серебренников Н. В. Опыт формирования областнической литературы. – Томск, 2004. – 308 с.
18. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия Универсалии культуры. Вып. VI: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 382 с.
19. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. Анисимов К. В. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. – 237 с.
20. Сибирский текст в русской культуре: к 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири: [сборник статей] / Том. гос. ун-т; ред. – сост. А. П. Казаркин. – Томск: Сибирика, 2002. – 270 с.
21. Сибирский текст в русской культуре: Сб. ст. / ред. А. П. Казаркин, Н. В. Серебренников. – Томск, 2002. – Вып. 1. – 276 с.

22. Сибирь в контексте мировой культуры: Опыт самоописания: коллективная монография / научн. ред. А. П. Казаркин. – Томск, 2003. – 216 с.

23. Сибирь: взгляд извне и изнутри, духовные измерения пространства / научн. ред. И. И. Плеханова. – Иркутск, 2004. – 327 с.

24. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: К вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филол. журнал. – Новосибирск, 2002. – № 1. – С. 27–35.

25. Тюпа В. И. Сибирский интертекст русской литературы // Тюпа В. И. Анализ художественного текста. – М., 2009. С. 254–263.

26. Чуркин М. К. Сибирь в «воображаемой географии»: к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2014. – № 2 (2). – С. 81–85.

27. Шелгунов Н. В. Сибирь. По большой дороге // Русское слово. – 1863. – Январь. – Ч. I–VI. – С. 1–48.

28. Шелгунов Н. В. Сибирь. По большой дороге // Русское слово. – 1863. – Февраль. – Ч. VII–XII. – С. 1–39.

29. Шелгунов Н. В. Сибирь. По большой дороге // Русское слово. – 1863. – Март. – Ч. XIII–XIX. – С. 1–62.

30. Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: в 2-х т. – М.: Художественная литература, 1967. – Т. 2. – С. 7–257.

Natalia V. Konstantinova

The Plot of the Journey to Siberia in the Documentary Travelogues of the XIX century (Based on the Material of N. V. Shelgunov's Travel Notes "Siberia. On the High Road")

The article examines the specifics of the story of a journey to Siberia in the context of studying the evolution of the documentary travelogue of the XIX century and the "Siberian text" of Russian literature. The novelty of the research is to identify ways of plotting in a documentary travelogue in the aspect of the author's problem. The analysis of the combination of different author's strategies allows us to determine the specifics of the plot about a trip to Siberia against the background of a common tradition ("common places"). The object of the study is N. V. Shelgunov's travel notes "Siberia. On the high road", published in three issues of the magazine "Russian Word" in 1863. Thanks to the involvement of not only literary sources, but also biographical information about the author, the notes of his wife L. P. Shelgunova and the socio-political context of the creation of the text, the author's strategies that form the implicit plot of the travelogue about Siberia were revealed. By this method, it was found that, at first glance, the traditional story of a tourist and an observer traveling to Siberia, positioned by the subject of the narrative at the beginning of the travelogue, includes a plot similar to the involvement of not only literary sources, but also biographical information about the author, the notes of his wife L. P. Shelgunova and the socio-political context of the creation of the text, the author's strategies that form the implicit plot of the travelogue about Siberia were revealed. By this method, it was found that, at first glance, the traditional story of a tourist and an observer traveling to Siberia, positioned by the subject of the narrative at the beginning of the travelogue, includes a plot similar to the plot of N. G. Chernyshevsky's novel "What to do?", a narrative about Siberia as "another" Russia, in which the following are also necessary transformations, updates, discussions about possible ways of innovations, "new people" who are able to practically implement new tasks for the development of society, appeals to the reader in order to actualize in the mass consciousness the idea of the need for change, the idea of everyone's involvement in the common fate of Russia.

Key words: story about a trip to Siberia, documentary travelogue, "Siberian text", author's strategy, subject of the narrative, N. V. Shelgunov.

For citation: Konstantinova, N. V. (2023) Syuzhet o puteshestvii v Sibir' v dokumental'nykh travelogakh XIX veka (na materiale putevykh zapisok N. V. Shelgunova «Sibir'. Po bol'shoj dorozhe») [The Plot of the Journey to Siberia in the Documentary Travelogues of the XIX century (Based on the Material of N. V. Shelgunov's Travel Notes "Siberia. On the High Road")]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 60–78. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_60. EDN: KGYMDZ

References

1. CHernyaeva, T. G. (2002) (ed.) *Altajskij tekst v russkoj kul'ture. Materialy nauchnogo seminaru* [Altaic text in Russian culture. Materials of the scientific seminar]. Issue 1. Barnaul. (In Russian).
2. CHernyaeva, T. G. (2004) (ed.) *Altajskij tekst v russkoj kul'ture. Materialy vtorogo nauchnogo seminaru* [Altaic text in Russian culture. Materials of the second scientific seminar]. Issue 2. Barnaul. (In Russian).
3. CHernyaeva, T. G., Halina, N. V. (2006) (eds.) *Altajskij tekst v russkoj kul'ture. Materialy tret'ej regional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Altaic text in Russian culture. Materials of the third regional scientific and practical conference]. Issue 3. Barnaul. (In Russian).
4. Anisimov, K. V. (2015) *Russkaya literatura i Sibir' v XIX veke: vostochnyj travelog kak diskursivnyj opyt territorial'noj integracii (zapiski puteshestvij P. I. Nebolsina)* [Russian Literature and Siberia in the XIX century: Oriental travelogue as a discursive experience of territorial integration (travel notes by P. I. Nebolsin)]. *Sibirskaya identičnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov. Seriya Universalii kul'tury. Vyp. VI: monografiya / otv. red. N. V. Kovtun* [Siberian identity in the mirror of a literary text: trails, topos, genre forms of the XIX–XXI centuries. The Universals of Culture series. Issue VI: monograph; ed. N. V. Kovtun]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. Pp. 37–56. (In Russian).
5. Anisimova, E. E. (2015) «Sibirskie glavy» puteshestviya V. A. Zhukovskogo s cesarevičem Aleksandrom Nikolaevičem po Rossii v 1837 g.: dokument, biografiya, literatura ["Siberian chapters" of V. A. Zhukovsky's travels with Tsarevich Alexander Nikolaevich in Russia in 1837: document, biography, literature]. *Sibirskaya identičnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov. Seriya Universalii kul'tury. Vyp. VI: monografiya / otv. red. N. V. Kovtun* [Siberian identity in the mirror of a literary text: trails, topos, genre forms of the XIX–XXI centuries. The Universals of Culture series. Issue VI: monograph / ed. N. V. Kovtun]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. Pp. 9–37. (In Russian).
6. Zamyatin, D. N. (2003) *Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian geography: Space and language of geographical images]. St. Petersburg: Aleteya Publ. (In Russian).
7. Ivanova, N. V. (2010) «Literaturnye puteshestviya» v Sibir': poetika «Pisem s beregov Leny» N. S. SHCHukina i «Pisem iz Sibiri» P. A. Slovcova ["Literary Travels" to Siberia: poetics of N. S. Shchukin's "Letters from the Shores of Lena" and P. A. Slovtsov's "Letters from Siberia"]. *Vestnik Moskovskogo gos. oblastnogo un-ta – Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. Russian philology*. No. 1. Pp. 186–192. (In Russian).
8. Kuznetsov, F. (1990) *Krug D. I. Pisareva* [Circle of D. I. Pisarev]. Moscow: Fiction Publ. (In Russian).
9. Lotman, Yu. M. (1988) *V shkole poetičeskogo slova: Pushkin. Lermontov, Gogol* [At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov, Gogol]. Moscow. Pp. 338–340. (In Russian).
10. Matkhanova, N. P. (2010) *Sibirskaya memuaristika XIX veka* [Siberian memoiristics of the XIX century]. Novosibirsk: SB RAS Publ. (In Russian).
11. Medvedeva, T. V. (2019) *Puteshestviya N. D. Sverbeeva po Sibiri (1852–1854) v epistolarnom i literaturnom otrazheniyah* [N. D. Sverbeev's travels in Siberia (1852–1854) in epistolary and literary reflections] *Russkij travelog XVIII–XX vekov: Mezhdz literaturoj i dokumentom*:

kollektivnaya monografiya [Russian travelogue of the XVIII–XX centuries: Between literature and document: a collective monograph]. Novosibirsk: NGPU Publ. Pp. 7–52. (In Russian).

12. Mednis, N. E. (2016) Kavkaz i Sibir' kak dva toposa russkoj literatury i kul'tury XIX veka [Caucasus and Siberia as two toposes of Russian literature and culture of the XIX century]. *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy. Pod red. T. I. Pecherskoj, N. V. Konstantinovoj* [Russian travelogue of the XVIII–XX centuries: routes, toposes, genres and narratives. Edited by T. I. Pecherskaya, N. V. Konstantinova]. Novosibirsk: NGPU Publ. Pp. 20–36. (In Russian).

13. Mitin, I. I. (2005) Mifogeografiya: prostranstvennye mify i mnozhestvennye real'nosti [Mythogeography: spatial myths and multiple realities]. *Communitas – Communitas*. No. 2. P. 13. (In Russian).

14. Pecherskaya, T. I. (2015) Travelog v «Russkom slove»: k voprosu o redakcionnoj taktike zhurnala [Travelogue in the "Russian Word": on the issue of editorial tactics of the journal]. *Russkij travelog XVIII–XX vekov. Kollektivnaya monografiya Russkij travelog XVIII–XX vekov. Kollektivnaya monografiya* [Russian Travelogue of the XVIII–XX centuries. Collective monograph]. Novosibirsk: NGPU Publ. Pp. 486–503. (In Russian).

15. Remnev, A. (2004) Vdvinut' Rossiya v Sibir'. Imperiya i russkaya kolonizaciya vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Push Siberia into Siberia. Empire and Russian colonization of the second half of the XIX – early XX century]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [New Imperial history of the post-Soviet space]. Kazan. Pp. 223–242. (In Russian).

16. Rodigina, N. N. (2006) «Drugaya Rossiya»: obraz Sibiri v russkoj zhurnal'noj presse vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [“Other Russia”: the image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the XIX – early XX century]. Novosibirsk: NGPU Publ. (In Russian).

17. Serebrennikov, N. V. (2004) Opyt formirovaniya oblastniceskoj literatury [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk. (In Russian).

18. Kovtun, N. V. (2015) (ed.) *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: toposy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov. Seriya Universalii kul'tury. Vyp. VI: monografiya, otv. red. N. V. Kovtun* [Siberian identity in the mirror of a literary text: toposes, toposes, genre forms of the XIX–XXI centuries. The Universals of Culture series. Issue VI: monograph]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian).

19. Anisimov, K. V. (2010) (ed.) *Sibirskij tekst v nacional'nom syuzhetnom prostranstve: kollektivnaya monografiya. Otv. red. Anisimov K. V.* [The Siberian text in the national plot space: a collective monograph]. Krasnoyarsk: Sib. Federal University Publ. (In Russian).

20. Kazarkin, A. P. (2002) (ed.) *Sibirskij tekst v russkoj kul'ture: k 400-letiyu Tomska i 125-letiyu pervogo universiteta Sibiri: [sbornik statej] Tom. gos. un-t; red. – sost. A. P. Kazarkin* [Siberian text in Russian culture: to the 400th anniversary of Tomsk and the 125th anniversary of the first University of Siberia: collection of articles. Tomsk State University]. Tomsk: Sibirika Publ. (In Russian).

21. Kazarkin, A. P., Serebrennikov, N. V. (2002) (eds.) *Sibirskij tekst v russkoj kul'ture: Sb. st. Vyp. 1* [Siberian text in Russian culture: Collection of Articles. Issue 1]. Tomsk. (In Russian).

22. Kazarkin, A. P., Serebrennikov, N. V. (2003) (eds.) *Sibir' v kontekste mirovoj kul'tury: Opyt samoopisaniya* [Siberia in the context of world culture: The experience of self-description]. Tomsk. (In Russian).

23. Plechanova, I. I. (2004) (ed.) *Sibir': vzglyad izvne i iznutri, duhovnye izmereniya prostranstva* [Siberia: a view from the outside and from the inside, spiritual dimensions of space]. Irkutsk. (In Russian).

24. Tyupa, V. I. (2002) Mifologema Sibiri: K voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury [The Mythologeme of Siberia: On the question of the "Siberian text" of Russian literature]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*. No. 1. Pp. 27–35. (In Russian).

25. Tyupa, V. I. (2009) Sibirskij intertekst russkoj literatury [Siberian intertext of Russian literature] Tyupa V. I. *Analiz hudozhestvennogo teksta* [Tyupa V. I. Analysis of a literary text]. Moscow. Pp. 254–263. (In Russian).

26. Churkin, M. K. (2014) Sibir' v «voobrazhaemoj geografii»: k voprosu o sovremennom nauchno-issledovatel'skom diskurse [Siberia in "imaginary geography": on the question of modern scientific research discourse]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie*

nauki» – *Bulletin of Omsk University. The series "Historical Sciences"*. No. 2 (2). Pp. 81–85. (In Russian).

27. Shelgunov, N. V. (1863) Sibir'. Po bol'shoj doroge [Siberia. On the high road] *Russkoe slovo – Russian word*. January. P. I–VI. Pp. 1–48. (In Russian).

28. Shelgunov, N. V. (1863) Sibir'. Po bol'shoj doroge [Siberia. On the high road] *Russkoe slovo – Russian word*. February. P. VII–XII. Pp. 1–39. (In Russian).

29. Shelgunov, N. V. (1863) Sibir'. Po bol'shoj doroge [Siberia. On the high road] *Russkoe slovo – Russian word*. March. P. XIII–XIX. Pp. 1–62. (In Russian).

30. Shelgunova, L. P. (1967) Iz dalekogo proshlogo [From the distant past] SHelgunov, N. V., SHelgunova, L. P., Mihajlov, M. L. *Vospominaniya: v 2-h t.* [Shelgunov, N. V., Shelgunova, L. P., Mikhailov, M. L. *Memoirs: in 2 volumes*]. Moscow: Fiction Publ. Vol. 2. Pp. 7–257. (In Russian).

дата получения: 27.06.2023 г.

дата принятия: 15.07.2023 г.

дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 27 June 2023

date of acceptance: 15 July 2023

date of publication: 30 September 2023